

Первая встреча состоялась в трамвае. Она тронула его за плечо и, когда он открыл глаза, сказала, показывая на окно:

- Вам сходить.

Трамвай уже остановился, и он, проталкиваясь, прыгнул сразу за ней. Она была совсем девчонка, лет пятнадцати-шестнадцати, не больше, он понял это тут же, увидев ее круглое, моргающее лицо, которое она повернула к нему, ожидая благодарности.

- Вам сходить.

- Спасибо, - сказал он, - я ведь мог проехать. Он почувствовал, что ей этого недостаточно, и добавил:

- Сегодня был сумасшедший день, я устал. А в восемь мне должны позвонить. Так что ты меня здорово выручила.

Кажется, она обрадовалась, и они вместе побежали через дорогу, оглядываясь на мчащуюся машину. Шел снег, и он заметил, что на ветровом стекле машины работал "дворник". Когда идет снег - вот такой мягкий, пушистый, словно где-то там, наверху, теребят диковинных снежных птиц, - не очень-то хочется идти домой. "Подожду звонка и снова выйду", - решил он, оборачиваясь к ней и размышляя, что бы ей сказать, потому что дальше молчать было уже неудобно. Но он понятия не имел, о чем можно с ней говорить и о чем нельзя, и все еще раздумывал, когда она сама сказала:

- А я вас знаю.

- Вот как! - удивился он. - Это каким же образом?

- А вы живете в сто двенадцатом, а я в сто сорок четвертом. В среднем два раза в неделю мы вместе ездим в трамвае. Только вы, конечно, меня не замечаете.

- Это интересно.

- А что тут интересного? Ничего интересного нету. Вы, взрослые, обращаете внимание только на взрослых, вы все ужасные эгоисты. Скажете, нет?

Она повернула голову вправо и смотрела на него слева, снизу вверх. Он хмыкнул только и не стал ничего ей отвечать, потому что все еще не знал, как вести себя с ней, что можно и что нельзя ей говорить.

Некоторое время они шли молча, и она глядела прямо перед собой и, так же глядя прямо перед собой, как ни в чем не бывало заявила:

- А вы ведь еще не сказали, как вас зовут.

- А тебе это необходимо знать?

- Да. А что особенного? Почему-то некоторые считают, что если я хочу знать, как зовут человека, то обязательно проявляю к нему нездоровый интерес.

- Ладно, - сказал он, - я все понял. Если тебе это необходимо - меня зовут Рудольф.

- Как?

- Рудольф.

- Рудольф. - Она засмеялась.

- Что такое?

Она засмеялась еще громче, и он, приостановившись, стал смотреть на нее.

- Ру-дольф, - она округлила губы и снова закатилась. - Ру-дольф. Я думала, что так только слона в зверинце могут звать.

- Что?!

- Ты не сердись, - она тронула за рукав. - Но смешно, честное слово, смешно. Ну что я могу поделать?

- Девчонка ты, - обиделся он.

- Конечно, девчонка. А ты взрослый.

- Сколько тебе лет?

- Шестнадцать.

- А мне двадцать восемь.

- Я же говорю: ты взрослый, и тебя зовут Рудольф. Она снова засмеялась, весело поглядывая на него слева, снизу вверх.

- А тебя как зовут? - спросил он.

- Меня? Ни за что не угадаешь.

- А я и не буду гадать.

- А если бы и стал - не угадал бы. Меня зовут Ио.

- Как?

- Ио.

- Ничего не пойму.

- Ио. Ну, исполняющий обязанности. Ио.

Отмщение наступило моментально. Не в силах остановиться, он хохотал, раскачиваясь то вперед, то назад, как колокол. Достаточно было ему взглянуть на нее, и смех начинал разбирать его все больше и больше.

- И-о, - булькало у него в горле. - И-о. Она ждала, оглядываясь по сторонам, потом, когда он немного успокоился, обиженно сказала:

- Смешно, да? Ничего смешного - Ио - такое же обыкновенное имя, как все другие.

- Ты извини, - улыбаясь, он наклонился к ней. - Но мне действительно было смешно. Вот теперь мы квиты, правда?

Она кивнула.

Первым был ее дом, а за ним - его. Остановившись у подъезда, она спросила:

- А какой у тебя телефон?

- Тебе это не надо, - сказал он.

- Боишься?

- Дело не в этом.

- Взрослые всего на свете боятся.

- Это верно, - согласился он.

Она вынула из рукавицы свою ручонку и подала ему. Рука была холодной и тихой. Он пожал ее.

- Ну, беги домой, Ио.

Он опять засмеялся.

У двери она остановилась.

- А теперь ты меня узнаешь в трамвае?
- Еще бы, конечно, узнаю.
- До трамвая... - Она подняла над головой руку.
- ...в котором мы вместе поедем, - добавил он.

* * *

Через два дня он уехал в командировку на север и вернулся только через две недели. Здесь, в городе, уже чувствовался пряный, острый запах наступающей весны, сдунувшей с него, словно пепел, зимнюю неясность и неотчетливость. После северных туманов все здесь было ярче и звонче, даже трамваи.

Дома жена чуть ли не сразу же сказала ему:

- Тут тебе каждый день какая-то девчонка звонит.
- Какая еще девчонка? - равнодушно и устало спросил он.
- Не знаю. Я думала, ты знаешь.
- Не знаю.
- Она мне надоела.
- Забавно, - нехотя улыбнулся он.

Он принимал ванну, когда зазвонил телефон. Через дверь было слышно, как жена отвечала: приехал, моется, пожалуйста, попозже. И он уже собирался лечь, когда телефон зазвонил снова.

- Да, - сказал он.
- Рудик, здравствуй, ты приехал! - раздался в трубке чей-то радостный голос.
- Здравствуй, - осторожно ответил он. - Кто это?
- А ты не узнал? Эх ты, Рудик... Это я, Ио.

- Ио, - тотчас вспомнил он и невольно рассмеялся. - Здравствуй, Ио. Ты, оказывается, подобрала для меня более подходящее имя.

- Да. Тебе нравится?
- Меня так звали, когда мне было столько же, сколько сейчас тебе.
- Не важничай, пожалуйста.
- Нет, что ты...

Они замолчали, и он, не выдержав, спросил:

- Так в чем дело, Ио?
- Рудик, она что - твоя жена?
- Да.
- А почему ты не сказал мне, что женат?
- Прости меня, - шутливо ответил он, - я не знал, что это очень важно.
- Конечно, важно. Ты что - любишь ее?

- Да, - сказал он. - Ио, послушай, пожалуйста: не надо мне больше звонить.

- Ис-пу-гал-ся, - нараспев произнесла она. - Ты, Рудик, не подумай чего. Ты, конечно, живи с ней, если хочешь, я не против. Только так тоже нельзя: не звони. А может, мне по делу надо будет.

- По какому делу? - улыбаясь, спросил он.

- Ну как по какому? Ну... ну, например, из одного резервуара у меня вода никак под ответ не выкачивается в другой, - нашлась она. - Ведь тогда можно, правда?

- Не знаю.
- Конечно, можно. А ее ты не бойся, Рудик, ведь нас двое, а она одна.
- Кого? - не понял он.
- Да жену твою.
- До свидания, Ио.
- Ты устал, да?
- Да.

- Ну, хорошо. Пожми мне лапу и ложись спать.

- Жму тебе лапу.

- А с ней даже не разговаривай.

- Ладно, - он засмеялся. - Не буду.

Все еще улыбаясь, он вернулся к жене.

- Это Ио, - сказал он. - Так зовут эту девочку. Забавно, правда?

- Да, - выжидающе ответила она.

- Она не могла решить задачу с двумя резервуарами. Она учится не то в седьмом, не то в восьмом классе - не помню.

- И ты помог ей с задачей?

- Нет, - сказал он. - Я все перезабыл, а резервуары - это действительно сложно.

* * *

Утром телефон зазвонил чуть свет. Какой там свет - никакого света не было, весь город спал последним предрасветным сном. Поднимаясь, Рудольф взглянул на дом напротив - ни одно окно еще не было освещено, и только подъезды, как губные гармошки, сияющие металлом, светились четырьмя правильными рядами. Телефон трезвонил непрерывно. Подходя к нему, Рудольф взглянул на часы: половина шестого.

- Слушаю, - сердито сказал он в трубку.

- Рудик, Рудик...

Он рассвирепел:

- Ио, ведь это же черт знает что такое...

- Рудик, - перебили его, - послушай, не сердись, ты еще не знаешь, что случилось.

- Что случилось? - остывая, спросил он.

- Рудик, ты уже больше не Рудик, ты Рудольфио, - торжественно объявили ему. - Рудольфио! Здорово, правда? Это я только что придумала. Рудольф и Ио - вместе получается Рудольфио, как у итальянцев. Ну-ка повтори.

- Рудольфио. - В его голосе смешались отчаяние и ярость.

- Правильно. Теперь у нас с тобой одно имя - мы нерасторжимы. Как Ромео и Джульетта. Ты Рудольфио, и я Рудольфио.

- Послушай, - приходя в себя, сказал он. - Ты бы не могла в другой раз нарекать меня в более подходящее время?

- Ну как ты не поймешь, что я не могла ждать. Вот. А потом, тебе пора вставать. Рудольфио, запомни: в половине восьмого я жду тебя на трамвайной остановке.

- Я сегодня не поеду на трамвае.

- Почему?

- У меня отгул.

- А что это такое?

- Отгул - это внеочередной выходной, я не пойду на работу.

- А-а, - сказала она. - А как же я?

- Не знаю. Поезжай в школу, и все.

- А у твоей жены тоже отгул?

- Нет.

- Ну, это еще ничего. Только ты не забывай: нас теперь зовут Рудольфио.

- Я счастлив.

Он водворил трубку на место и, чертыхаясь, пошел кипятить чай. Уснуть теперь все равно он бы не смог. К тому же в доме напротив уже светились три окна.

* * *

В полдень в дверь постучали. Он как раз мыл полы и, открывая, держал в руках мокрую тряпку, которую почему-то не догадался оставить где-нибудь по дороге.

Это была она.

- Здравствуй, Рудольфио.

- Ты! - удивился он. - Что случилось?

- Я тоже взяла отгул.

Лицо как у святой - ни единой капли того, что называют угрызениями совести.

- Вон как! - мужественно ответил он. - Гуляешь, значит. Ну, проходи, коли пришла. Я сейчас домою.

Не раздеваясь, она села в кресло возле окна и стала смотреть, как он, склонившись, водит тряпкой по полу.

- Рудольфио, по-моему, ты несчастлив в семейной жизни, - заявила она через минуту.

Он выпрямился.

- С чего ты взяла?

- Это очень легко увидеть. Например, ты без всякого удовольствия моешь полы, а у счастливых так не бывает.

- Не выдумывай, - улыбаясь, сказал он.

- А скажешь, счастлив?

- Ничего не скажу.

- Ну вот.

- Ты лучше раздешься.

- Я тебя боюсь, - заглядывая в окно, сказала она.

- Что-что?

- Ну, ты же мужчина.

- Ах вон что. - Он засмеялся. - Как же ты осмелилась сюда прийти?

- Ну, мы же с тобой Рудольфио.

- Да, - сказал он, - я все забываю об этом. Это, конечно, накладывает на меня определенные обязанности.

- Конечно.

Она замолчала и, пока он гремел ведром в кухне, сидела тихо. Но когда он вышел к ней, пальто уже висело на спинке кресла, а лицо Ио было задумчивое и печальное.

- Рудольфио, а я сегодня плакала, - вдруг призналась она.

- Отчего, Ио?

- Не Ио, а Рудольфио.

- Отчего, Рудольфио?

- Это из-за моей старшей сестры. Она устроила скандал, когда я решила взять отгул.

- По-моему, она права.

- Нет, Рудольфио, не права. - Она поднялась с кресла и стала возле окна. - Один раз можно, как вы не поймете. Я сейчас знаешь какая счастливая, что с тобой говорю...

Она опять замолчала, и он внимательно посмотрел на нее. Сквозь платье, волнуясь, у нее пробивались груди, как два маленьких гнездышка, которые лепят неведомые птицы, чтобы выводить в них птенцов. Он заметил, что уже через год лицо у нее удлинится и станет красивым, и ему стало грустно от мысли, что со временем будет и у нее свой парень. Он подошел к ней, взял ее за плечи и, улыбнувшись, сказал:

- Все будет хорошо.

- Правда, Рудольфио?

- Правда.

- Я тебе верю, - сказала она.

- Да.

Он хотел отойти, но она позвала:

- Рудольфио!

- Да.

- Зачем ты так рано женился? Ведь еще бы два года, и я бы вышла за тебя замуж.

- Не торопись, - сказал он. - Ты и так выйдешь замуж за какого-нибудь очень хорошего парня.

- Я бы хотела за тебя,
- Он будет лучше, чем я.
- Ну да, - недоверчиво протянула она. - Ты думаешь, лучше бывают?
- В тысячу раз лучше бывают.
- Но это будешь не ты. - Она неумело вздохнула.
- Давай лучше пить чай, - предложил он.
- Давай.
Он пошел на кухню и поставил чайник на плитку.
- Рудольфио!
Она стояла возле полок с книгами.
- Рудольфио, у нас с тобой самое красивое имя. Вот посмотри, даже у писателей нет лучше. - Она на мгновение умолкла.
- Может быть, только вот у этого. Эк-зю-пе-ри. Правда, красивое?
- Да, - сказал он. - А ты не читала его?
- Нет.
- Возьми и почитай. Только без отгулов - договорились?
- Договорились.
Она стала одеваться.
- А чай? - вспомнил он.
- Рудольфио, я лучше пойду, хорошо? - Улыбка у нее стала грустной. - Ты только не говори жене, что я здесь была. Хорошо, Рудольфио?
- Ладно, - пообещал он.
Когда она ушла, он почувствовал, что ему стало тоскливо, он был полон какой-то необъяснимой, еще не открытой тоски, тем не менее существующей в природе. Он оделся и вышел на улицу.

* * *

Весна наступила как-то сразу, почти без предупреждения. Люди за несколько дней стали добрее, и эти несколько дней казались им переходным периодом от поры ожидания к поре свершения, потому что весенние сны с мастерством опытной гадалки напороочили им счастье и любовь.

В один из таких дней, уже вечером, когда Рудольф возвращался домой, его остановила пожилая женщина.
- Я мать Ио, - начала она. - Вы простите, вас, кажется, зовут Рудольфио.
- Да, - улынувшись, согласился он.
- Я знаю о вас от дочери. В последнее время она много говорит о вас, но я...
Она замаялась, и он понял, что ей трудно спросить то, что необходимо было спросить как матери.
- Вы не волнуйтесь, - сказал он. - У нас с Ио самая хорошая дружба, и ничего плохого от этого не будет.
- Конечно, конечно, - смущаясь, заторопилась она. - Но Ио - взбалмошная девчонка, она нас совсем не слушает. И если вы повлияете на нее... Понимаете, я боюсь, возраст такой, что надо бояться, - она может натворить глупостей. И потом, меня пугает, что у нее совсем нет подруг среди одноклассниц и вообще среди сверстников.
- Это плохо.
- Я понимаю. Мне показалось, вы имеете на нее влияние...
- Я поговорю с ней, - пообещал он. - Но, по-моему, Ио хорошая девочка, зря вы так беспокоитесь.
- Не знаю.
- До свиданья. Я поговорю с ней. Все будет хорошо.

* * *

Он решил позвонить ей сразу же, не откладывая, тем более что жены дома не было.
- Рудольфио! - было видно, что она очень обрадовалась. - Какой же ты молодец, что позвонил, Рудольфио, а я опять плакала.
- Нельзя так часто плакать, - сказал он.
- Это все "Маленький принц". Мне его жалко. Ведь правда, он был у нас на земле?
- По-моему, правда.
- И по-моему, тоже. А мы не знали. Ведь это же ужасно. И если бы не Экзюпери, никогда бы не узнали. Не зря у него такое же красивое имя, как и у нас.
- Да.
- Я еще вот о чем думаю: хорошо, что он так и остался Маленьким принцем. Потому что страшно: а вдруг потом он стал бы самым обыкновенным? А у нас и так слишком много обыкновенных.
- Не знаю.
- Зато я знаю, это точно.
- А "Планету людей" ты прочитала?
- Я все прочитала, Рудольфио. По-моему, Экзюпери очень мудрый писатель. Даже страшно становится, до чего мудрый. И добрый. Помнишь: Барка выкупают на свободу, дают ему деньги, а он тратит их на туфельки для ребятшек и остается ни с чем.
- Да, - сказал он. - А помнишь Боннафуса, который разорял и грабил арабов, а они его ненавидели и в то же время любили?
- Потому что без него пустыня казалась бы им самой обыкновенной, а он делал ее опасной и романтической.
- Ты молодчина, если все это понимаешь, - сказал он.
- Рудольфио... - она замолчала.
- Я слушаю, - напомнил он.
Она молчала.
- Рудольфио, - отчего-то волнуясь, сказал он. - Приходи сейчас ко мне, я один.

* * *

Оглядываясь, она прошла к креслу и села.
- Ты чего такая тихая? - спросил он.
- Ее правда нет?
- Жены?
- Ну да.
- Нет.
- Мымра она у тебя.
- Что?
- Мымра - вот что!
- Где ты взяла это слово?
- В великом русском языке. Там для нее ничего более подходящего нет.
- Ио, ну нельзя же так.
- Не Ио, а Рудольфио.
- Ах да.
- Я недавно позвонила и попала на нее. Знаешь, что она мне сказала? Если, говорит, ты насчет резервуаров, то лучше обратиться к учителю. По-моему, она ревнует тебя ко мне.
- Не думаю.
- Рудольфио, а правда, я лучше ее? Я ведь еще не оформилась как следует, у меня все впереди.
Он улыбнулся и кивнул.
- Вот видишь. По-моему, тебе пора с ней развестись.
- Не говори глупости, - оборвал он ее. - Я тебе слишком многое позволяю.
- Из любви, да?
- Нет, из дружбы.
Она, насупившись, умолкла, но было видно, что это ненадолго.
- Как ее зовут?
- Кого - жену?
- Ну да.
- Клава.
- Ничего себе нагрузочка.
Он рассердился:
- Перестань.
Она поднялась, на мгновение закрыла глаза и вдруг сказала:
- Рудольфио, я ненормальная, прости меня, я не хотела...
- Только не реветь, - предупредил он.
- Не буду.
Она отошла и отвернулась к окну.
- Рудольфио, - сказала она, - давай договоримся так: я у тебя сегодня не была и ничего этого не говорила, хорошо?
- Да.
- Считай, что это "до свиданья" я тебе сказала по телефону.
- Да.
Она ушла.
Через пять минут зазвонил телефон.
- До свиданья, Рудольфио.
- До свиданья.
Он подождал, но она положила трубку.

* * *

Она уже больше не звонила, и он ее долго не видел, потому что опять уезжал и вернулся только в мае, когда на солнечных весах лето окончательно перевесило весну. В это время у него всегда было много работы; вспоминая о ней, он все откладывал: поговорю завтра, послезавтра, но так и не поговорил.

Они встретились случайно - наконец-то в трамвае. Он увидел ее и стал нетерпеливо проталкиваться, боясь, что она сойдет, - ведь она могла сойти и на другой остановке, а он бы, наверное, не решился прыгнуть вслед за ней. Но она осталась, и он поймал себя на том, что обрадовался этому больше, чем следовало, наверное, при их дружеских отношениях.

- Здравствуй, Ио, - касаясь рукой ее плеча, сказал он.

Она испуганно обернулась, увидела его и, радостно замешкавшись, кивнула.

- Не Ио, а Рудольфио, - как и раньше, поправила она. - Мы ведь с тобой все еще друзья, правда?

- Конечно, Рудольфио.

- Ты уезжал?

- Да.

- Я однажды звонила, тебя не было.

- Я уже целую неделю здесь.

Народу в трамвае было много, и их беспрерывно толкали. Пришлось встать совсем близко друг к другу, и ее голова касалась его подбородка, а когда она поднимала лицо и он, прислушиваясь, наклонялся, приходилось отводить глаза - настолько это было рядом.

- Рудольфио, хочешь, я тебе что-то скажу? - спросила она.

- Конечно, хочу.

Она опять подняла лицо, совсем близко к его лицу, так что ему захотелось зажмуриться.

- Я все время скучаю без тебя, Рудольфио.

- Глупышка ты, - сказал он.

- Я знаю. - Она вздохнула. - Но ведь не скучаю же я по всяким мальчишкам, они мне сто лет не нужны.

Трамвай остановился, и они сошли.

- Ты пойдешь к своей Клаве? - спросила она.

- Нет, давай погуляем.

Они свернули к реке, туда, где начинался пустырь, и шли без дорожки, перепрыгивая через кочки и кучи мусора, и он взял ее за руку, помогая перебираться через завалы.

Она молчала. Это было непохоже на нее, но она молчала, и он чувствовал, что она, как и он, тоже полна волнения - сильного, гудящего и ничему не подвластного.

Они вышли к яру и, все еще держась за руки, смотрели на реку, и куда-то за реку, и снова на реку.

- Рудольфио, - не выдержав, сказала она. - Меня еще ни разу никто не целовал.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку,

- В губы, - попросила она.

- В губы целуют только самых близких людей, - мучаясь, выдавил он.

- А я?

В следующее мгновение он вдруг понял - не почувствовал, а именно понял, - что она ударила его, закатила самую настоящую пощечину и бросилась бежать, снова туда - через пустырь, через кочки, через волнение и ожидание.

А он стоял и смотрел, как она убегает, и не смел даже окликнуть ее, не смел броситься за ней и догнать. Он еще долго стоял - опустошенный, ненавидящий себя.

* * *

Это случилось в субботу, а в воскресенье рано утром ему позвонила ее мать.

- Рудольфио, простите, пожалуйста, я, наверное, подняла вас...

Голос у нее был сбивчивый, дрожащий.

- Я слушаю, - сказал он.

- Рудольфио, Ио сегодня не ночевала дома.

Ему надо было что-нибудь ответить, но он молчал.

- Мы в отчаянии, мы не знаем, что делать, что предпринять, это впервые...

- Сначала успокойтесь, - сказал наконец он. - Может быть, она заночевала у подруги.

- Не знаю.

- Скорей всего так оно и есть. Если часа через два не придет, будем искать. Только успокойтесь, через два часа я позвоню вам.

Он опустил трубку, подумал и сказал сам себе: ты тоже успокойся, может быть, она заночевала у подруги. Но успокоиться он не мог, наоборот, он почувствовал, что его начинает бить нервная дрожь. Чтобы унять ее, он пошел в чулан и, на свистывая, стал рыться в своих старых, еще школьных учебниках. Задачник по алгебре где-то запропастился, и, отыскивая его, он немножко отвлекся.

Телефон, притаившись, молчал. Рудольф закрыл за собой на кухне дверь и стал листать учебник. Вот она: если из одного резервуара в течение двух часов перекачивать воду в другой резервуар...

Зазвонил телефон.

- Она пришла. - Не сдержавшись, мать заплакала.

Он стоял и слушал.

- Рудольфио, придите, пожалуйста, к нам.

Она опять заплакала и уж потом добавила:

- С ней что-то случилось.

* * *

Не спрашивая разрешения, он снял плащ, и мать молча показала ему рукой на дверь ее комнаты.

Ио сидела на кровати, поджав под себя ноги, и, раскачиваясь, смотрела прямо перед собой в окно.

- Рудольфио! - позвал он.

Она обернулась к нему и ничего не сказала.

- Рудольфио!

- Перестань, - брезгливо сморщилась она. - Какой ты Рудольфио, ты самый обыкновенный Рудольф. Самый обыкновенный Рудольф, понимаешь?

Удар был настолько сильным, что боль сразу охватила все тело, но он заставил себя остаться, он подошел к окну и оперся на подоконник.

Она все раскачивалась взад и вперед и все смотрела перед собой, мимо него, и тихо скрипели под ней пружины кровати.

- Ну хорошо, - соглашаясь с ней, сказал он. - Но объясни, где ты была!

- Иди ты к черту! - не оборачиваясь, устало ответила она.

Он кивнул. Потом снял с вешалки свой плащ и, не отвечая на молчаливые вопросы ее матери, спустился с лестницы и пошел к черту. Воскресенье только еще начиналось, прохожих на улице было мало, и никто его не остановил. Он перешел через пустырь, спустился к берегу и вдруг подумал: а куда же дальше?

(1965)